

Глава 1

Вулканов закрыл книгу, потянулся к ночнику и погасил свет. Люба уже давно спала, сморенная усталостью. Комната погрузилась в кромешную тьму, и суета прожитого дня стала реальностью. А реальность была такова: отношения со Стеллой зашли слишком далеко, и это начинало отражаться на работе.

Главе Отдела особого назначения, специалисту по борьбе с международным терроризмом и одному из лучших восточно-европейских сыщиков такие вещи не позволялись. По очень простой причине: малейшая ошибка могла привести к преждевременной и, скорее всего, ужасной смерти.

Вулканов встретился со Стеллой во время расследования убийства порно-звезды Эвы Курсише. Черноокая красавица была подружкой покойной и в то время работала стриптизершей в баре для джентльменов. Сыщики поначалу сби-

лись со следа преступников, и, если бы не помощь Стеллы, неизвестно, чем бы закончились поиски «Грязи» — психотропного генератора энергии, созданного в тайных лабораториях нескольких стран. Некоторое количество «Грязи» было завезено и в Россию. Вулкановская контора подключилась к расследованию по просьбе Интерпола и завершила его с большим успехом в достаточно короткий срок.

В процессе расследования Вулканов близко познакомился с соблазнительной стриптизершей. Слишком близко: до боли в паху, до боли в сердце. В последнее время его любовь к Стелле превратилась в наваждение: он думал о ней постоянно, и эти мысли заполняли все его существо, как и доселе не известная ему патологическая страсть. У Вулканова было много женщин, но Стелла оказалась первой настолько страстно желанной. Вулканов не знал, чего от нее ожидать. Все в ней было непредсказуемо и остро соблазнительно: работа в ночных клубах, неожиданные поездки за границу, тонкий золотой поясок, который она всегда носила на талии, внезапные приливы ревности, когда она без всяких причин выталкивала его из своей квартиры, обвиняя во всех грехах, и через полчаса звонила с извинениями. Такая импульсивность характера и привлекала, и нервировала Вулканова. По роду деятельности он нуждался в распорядке, в обыкновенной ежедневной рутине, он не мог успешно функционировать в другом режиме. Малейшие отклонения

от графика приводили к потенциально непоправимым ошибкам.

Хорошо бы было от нее избавиться, однако он не мог представить существования без Стеллы, а мысли о том, что она в один прекрасный день просто уйдет к другому, сводили его с ума. Между собой они называли свои отношения «дружбой», хотя Вулканов уже не мог скрывать за притворным хладнокровием бешеную ревность, от которой он мучился больше, чем от поглотившего его желания.

Иногда он напивался до чертиков и швырял телефон, к которому непроизвольно тянулась рука для того, чтобы набрать заветный номер и услышать ее голос или дыхание, чтобы потом сорваться среди ночи и нестись к ней на бешеной скорости, пренебрегая светофорами и чувствуя себя безумно молодым. Он начинал раздеваться еще на лестнице, как сумасшедший, перескакивая с одного этажа на другой, и, когда она открывала дверь, он, не говоря ни слова, хватал ее в объятия и в приступе бешеной страсти обрушивался вместе с ней на расштанную, измученную любовью кровать. После первого оргазма на него накатывалась вторая волна и безумная третья, когда все исчезало и оставалось только ее гибкое тело и его тяжелая, неумная страсть. Потом они долго курили, потом все начиналось сначала. Так уже продолжалось полгода, и конца этому не было видно.

— Ты чего-то похудел, Валь, — заметил как-то Георгий Конев, его напарник и заместитель в ООН — Отделе особого назначения, которым руководил Вулканов. — Все в порядке у тебя?

— А что со мной сделается? — соврал Вулканов.

По правде говоря, все было в страшном беспорядке. Временами ему хотелось наглотаться таблеток и уснуть на несколько лет, чтобы потом проснуться и начать новую жизнь со всеми ее гадостями и прелестями, ну и, разумеется, без Стеллы. При этой мысли у Вулканова выступала испарина на лбу, а на глаза накатывались слезы. «Что ж я ее люблю так, гадюку мерзкую?» — вопрошал он в ночи у громоздкого гардероба. Там, на дне, в обувной коробке были спрятаны кружевной лифчик Стеллы, помада, выскользнувшая из ее сумки, а в плоском серебряном портсигаре — самое дорогое: фотографии Стеллы, выкупленные им у хозяина «Жар-Птицы», той самой сауны, которая вечером превращалась в стриптиз-клуб, где девушка работала танцовщицей. Именно там и началось знакомство Вулканова со Стеллой. К этим предметам Вулканов возвращался, когда не видел свою любимую в силу занятости или ее капризного характера, и более не мог сдерживать желания. Здесь же в розовой упаковке лежали какие-то несусветно дорогие духи из Парижа. И не просто из магазина, а с парфюмерной фабрики, где уникальную композицию создали специально для Стеллы, после внимательного изучения ее фотографии. Хотя

поначалу она отказывалась от подарков. Принимала только цветы.

— Нечего меня покупать, я танцовщица, а не путана какая-нибудь.

— Знаю, звездочка ты моя, — почти рыдал Вулканов, целуя ее смуглую грудь и вытаскивая из-под подушки очередной нарядно упакованный сверток.

Но это было давно. Постепенно она привыкла к подаркам, а он — к постоянным уговорам.

Стелла для Вулканова, выросшего в нищете детдома, была первой женщиной, для которой ему ничего не было жалко. Он уже предложил ей в полное пользование квартиру, «Мерседес» последней марки и дачу в Загорянке, но Стелла отказывалась принять его дары, давая понять, что более всего дорожит своей независимостью.

Кроме материальных ценностей, у Вулканова ничего для нее не было и не могло быть. Он знал, что такие женщины, как Стелла, рано или поздно уходят от любимых мужчин. «И что тогда? Разрыв сердца от несчастной любви? Нет уж, увольте, не говоря уже о том, как к этому отнесутся наверху». Сыщикам его масштаба вообще не рекомендовалось заводить семью, а тем более с танцовщицами-стриптизершами. Брачными узами они могли связать себя только по приказу начальства — для спецзаданий, например. А работу свою Вулканов любил так же сильно, как и Стеллу. Ему становилось жутко, что его карьера может прерваться

по какой-то иной причине, чем его собственная смерть.

Он услышал, как Люба что-то пробормотала во сне и перевернулась на другой бок. Люба — его любовь, его боль, его сотрудница, один из лучших специалистов. На нее он всегда мог положиться. Люба перебралась к нему три месяца назад. Вулканов до сих пор не мог сам себе поверить: до Любы он никогда и ни с кем не съезжался. Жил всегда один. А вот ей не смог отказать: это то, что она захотела «для соблюдения хоть какого-то порядка в жизни и трудовой деятельности», и Вулканов без долгих колебаний распахнул для нее двери своей квартиры. Он также знал, что ради него она бросила Дмитрия Назарова — хорошего мужика, пилота, который, по слухам, не выдержал и уехал из Москвы, чтобы навсегда порвать с Любой.

Однако люди, которых Вулканов попросил посмотреть, «где там и что этот Назаров», сообщили, что уехал он временно и не так давно вернулся в Москву. Он сменил квартиру и даже иногда позванивал Любе. Вулканову все это не понравилось, но Логиновой он не сказал ни слова. Это была ее жизнь, а у него времени не было даже на свою собственную. Только ночью, возвратившись домой, он позволял себе отдохнуть, но Люба в это время уже спала. Их близость обычно происходила рано утром, когда они, полусонные, сливались друг с другом и радовались этой ран-

ней любви, после которой снова засыпали, не разжимая объятий.

Вулканов встал и, набросив халат, вышел на балкон. До него доносился приглушенный шум уснувшего города. Прохладный ночной ветерок приятно освежал лицо. Он вспомнил последнюю встречу со Стеллой, и к нему вернулся неприятный осадок от ее небрежных слов: «Когда увидимся в следующий раз? Откуда я знаю? Время будет — увидимся». Как будто у нее меньше времени, чем у него. «Какая же она сучка эгоистичная», — выругался в сердцах Вулканов.

Он вернулся на кухню. Часы показывали полночь. Вдруг на память пришел совет старого друга-разведчика: «Не прет — слушай полночь. Полночь подскажет». Он достал из холодильника бутылку водки, налил четверть стакана и начал делать свой любимый бутерброд: белый хлеб, намазанный толстым слоем масла и майонеза, кусок салями, наверх кружок сыра, густо посыпанный перцем. Он опрокинул рюмку и закусил. Через несколько минут наступило давно желанное облегчение. «Схожу к бабке какой-нибудь. Старые аппаратчики всегда гадать ходили, а Сталин с Мессингом вообще не расставался», — подвел он итог своим размышлениям.

Целительница-шаманка по имени Кото совсем не походила на обычную гадалку. Она оказалась канадкой из индейского племени Кри. Кото вышла

замуж за российского психолога, с которым познакомилась на конференции по эзотерике и развитию сознания, проходившей в Ванкувере. Вопросы эзотерики давно волновали психолога. При первой же встрече они обнаружили много общего, хотя и жили в разных полушариях Земли. Оба сочли свое интеллектуальное взаимопонимание редкой удачей и решили не расставаться до конца жизни.

Переехав в Россию, шаманка Кото поселилась вместе с супругом и его полусумасшедшей мамашей в двухкомнатной квартире в центре города. В Москве она не скучала, выучила, хоть и с забавными ошибками, русский язык, завела кучу друзей и каждое воскресенье пекла «баник» — хлеб аборигенов, замешанный на воде.

О ее эзотерических талантах, которыми она действительно отличалась с ранних лет, ходили легенды, но она принимала клиентов только по направлению от знакомых. Именно к ней и отправился Вулканов.

Он без труда нашел четырехэтажный дом на Чистопрудном бульваре. В доме не было лифта, и ему пришлось долго подниматься по винтовой лестнице. Добравшись до последнего этажа, он постучал в дверь без номера. Ему открыла смуглая, маленького роста, худенькая женщина.

Ее распущенные волосы доходили до талии. Широкая цветастая юбка почти касалась пола. На ней было ожерелье с маленькими «зеркалами» — медными, отшлифованными до мутного блеска

круглыми пластинками. На шее, на длинном кожаном шнурке, висело еще одно круглое мутное зеркальце из шлифованного нефрита, побольше размером. На ее запястьях позванивали серебряные браслеты.

По сравнению с ней Вулканов казался гигантом. Он бы ни за что не назвал ее красивой, но она отличалось какой-то удивительной экзотической внешностью: темные глаза в пол-лица, высокие скулы, крупный рот и смуглое лицо без единой морщинки. Она улыбнулась и жестом пригласила его проходить.

— Ты пешком пришел, — утвердительно сказала она.

— Ну да, — сознался Вулканов, который действительно пришел своим ходом, в первый раз за много лет отказавшись от машины. Уж больно был день хорош, и он решил пройтись и освежиться после вчерашнего вечера, когда он хлебнул, мягко говоря, лишнего.

— А как вы догадались?

Она пожала плечами и улыбнулась. Заявление ее сразу же вызвало у Вулканова подозрение. Но он понимал, что она не могла знать заранее, каким способом он к ней прибудет. Он даже сам не знал, что пойдет пешком, решение прогуляться пришло в последнюю минуту, когда он закрывал дверь своей квартиры.

В большой комнате царил полумрак. На столике, накрытом лиловой, с разводами, скатертью,

мерцали свечи, стеклянный шар покоился на серебряном блюде. Рядом возвышалась горка из серых камешков. Вулканов как-то сник, сжался и неудобно сел на низкий стул.

— Сначала я вызову духов, а потом попрошу их совета, — тихо сказала Кото и что-то забормотала, перекладывая камешки с места на место.

Вулканов увидел, как шар вдруг ожил и начал медленно вращаться против часовой стрелки. Задрожал огонь свечей, и через комнату без единого окна пронесся легкий ветерок. В углу, позади деревянной статуи индейца, послышались шаги кого-то невидимого. У Вулканова взмокли ладони и перехватило дыхание.

Кото протянула ему белый плоский камешек с выгравированным черным вороном, Вулканов машинально зажал его в кулаке. Затем она быстро закружилась и упала на колени. Он услышал гортанный хриплый клекот, исходящий из горла шаманки. Она дотронулась до нефритового зеркала и закрутила его до конца вокруг шнура, а потом отпустила.

— Спирит, спирит, — зашептала женщина, — посети нас, великий дух, скажи нам правду, укажи нам путь.

Низко нагнув голову, она закружилась в танце, повторяя заклинание и воздевая руки. Ее черные волосы касались пола. Тихий звон браслетов перемешивался со звуком ее мягких, кошачьих прыжков.

— Авуя... ая... ааа... яяа, — затынула она низким, вдруг мужским голосом, повторяя заклинание. — Аяя... ханная... ямахай... ваяя... ый... ыййй... яхаа....

Раскинувшись на полу, она поведала Вулканову:

— Храни ворона, ворон тебя защитит от недругов. Судьба твоя — выбор. Выбор — сила, брось людей, которые забирают силу. Вижу любовь больную и испытание. Выдержишь испытание — спасет тебя любовь. Удержи любовь, сохрани честь...

Шаманка перестала кружиться и, не открывая глаз, долго лежала на полу, как бы приходя в себя. Вулканов все это время сидел не шевелясь. Наконец, она поднялась, и он тоже неловко встал. Стекланный шар остановился, свечи вдруг потухли. Вулканов, никогда до этого не слышавший камлания шаманов, испытал странное ощущение: ему казалось, что воздух в комнате сгустился и завис над его головой, а пространство вокруг как бы сузилось. На минуту ему стало не по себе, но он убрал камешек с вороном в боковой карман пиджака, пробурчал «спасибо», положил деньги на столик и быстро вышел из комнаты.

«Сохрани силу, легко сказать! — беззвучно повторял он, приходя в себя от встречи с шаманкой Кото. — До чего дошел, крещеный, а к шаманке поперся. Теперь и Бог покарает, и шаманы». Он

быстро шел по улице в расстегнутом плаще, сжимая плоский камушек в кулаке.

Стоял март, в воздухе пахло мимозами и весной. Хотелось сесть на самолет и улететь куда-нибудь на Чукотку, потеряться в тундре и заснуть там, на ледяной земле, широко разбросав руки под низкими голубыми небесами. Но надо было возвращаться на работу. Приподняв воротник плаща, он заспешил к желтому трехэтажному особняку в одном из переулков центра Москвы, где и располагался Отдел особого назначения.

В кабинете его уже поджидал коллега Конев. Вулканов угрюмо повесил плащ и сел за стол. Они обменялись молчаливыми взглядами и, выждав вежливую паузу, Конев начал нарочито ядовитым голосом:

— Валентин Александрыч, как я уже пытался донести до вас на прошлой неделе...

— Жор, — угрюмо перебил Вулканов, — ближе к телу.

— Тело исчезло, Валюш.

Вулканов не проявил никаких эмоций. Он давно привык к плохим новостям, со временем они перестали производить на него должное впечатление. Он продолжал слушать.

— Вот, посмотри.

Конев передал распечатку фотографии: просторная комната, огромное окно смотрит на океан, все перевернуто вверх дном.

— Картинка что надо, кровь?

— Вроде, нет.

— То-то и оно, что «вроде». Без экспертизы нечего возбуждаться.

— У нас все есть из их полицейского отделения.

— Я тебя умоляю, Жор, пока наши люди не прощупают каждый сантиметр, я даже слушать не стану.

— Хозяин — барин, — развел руками Конев.

Он знал, что возражать было бесполезно и что Вулканов последует своему собственному решению, а не его совету. Поэтому Вулканов и был хозяином Отдела особого назначения, а он его заместителем. На них также давило их начальство, а на тех — Интерпол. Сотрудничество, кооперация — все это хорошо при подписании договоров, а как насчет обыкновенной бюрократии? Беспросветной, бесконечной бюрократии, в результате которой ломались души и карьеры, терялись время и усилия. Расследование пока еще ни к чему существенному не привело, и докладывать на этом этапе было положительно нечего, а надо было.

Исчезнувшим телом был не кто иной, как Мигель Гарсия де Фернандез, или Миша Фернандез, как его называли «в кругах». Фернандез вырос в Москве в семье политических беженцев, сбежавших от режима Франко. Мать Миши была русской, его отец-испанец познакомился с ней в институте. Миша с детства говорил на двух

языках. В Англии он укрепил английский и после окончания лондонского колледжа был отправлен на спецподготовку в разведшколу при Скотланд-Ярде. После этого его карьера закрутилась, как в кино. На родине Мишу в лицо знало только высшее начальство. Почти все время он проводил в спецзаданиях в странах третьего и других миров. На Кубе он создал несколько предприятий, откуда велись наблюдения за деятельностью международного криминала и западной активностью.

Фернандез считался незаменимым работником. Он многое знал. Его необходимо было найти живым или мертвым. Он также был ключевым человеком в одном из важнейших и суперсекретных проектов России, о котором Вулканову тоже было известно, но только то, что ему, как звену многоуровневой секретной системы, полагалось знать. Даже Конев, его ближайший коллега, не был введен в полный курс дела. Так и должно было оставаться для успешного завершения проекта или его полного провала. Вопросы секретности в Отделе особого назначения не подвергались обсуждению. «Меньше знаешь — дольше будешь», — принцип простой и понятный, которого придерживались сотрудники. Все это быстро промелькнуло в голове Вулканова.

— Без нашего присутствия не обойтись, — подвел он итог.

— Идейка, в принципе, неплохая, только «генерала» надо поставить над всем этим мероприятием, — выпалил Конев и тут же пожалел.

— А почему бы тебе, Жора, не взять это на себя? — дружелюбно предложил Вулканов.

Конев поморщился, но слово не воробей, а потенциальное обещание, — и ему ничего не оставалось делать, как согласиться, хотя он уже вел важное для нескольких стран-участниц расследование, которое касалось коррупции в одном из международных фондов, обеспечивающем доставку медикаментов в лагерь африканских беженцев. У него намечалась поездка в Дар-эс-Салам, в Танзанию, где он также надеялся развить дальнейшие отношения с одной из высокопоставленных служащих, Джаннет де ла Круа — выпускницей Оксфорда и Лондонской школы экономики. После разрыва с Маргид — его многолетней любовью, проживающей в Копенгагене, — Конев решил попробовать себя на мультикультурном поприще. До этого у него не было ни одной темнокожей женщины, но, познакомившись с Джанет, он пришел к выводу, что готов внести и свою лепту в сближение народов мира. Командировка на Кубу отодвигала достижение этой достойной цели на неопределенное время.

— А Дар-эс-Саламом кто будет заниматься?

— А никто. Посидим на нем пока. Посмотрим, кто, куда и откуда. У них наверняка там из эшелона кто-нибудь замешан. Соединись с мадам де ла Круа, запроси их финансовые отчеты за последний год, календарь семинаров, собраний, расписания поездок, бумагу всякую разную. На бумагах,